Охотники за головами

Автор:
Ю Несбё

Охотники за головами

Ю Несбё

Звезды мирового детектива

Роджер Браун – блестящий «охотник за головами», незаменимый специалист по подбору топ-менеджеров для крупнейших норвежских фирм. Чтобы удержать красавицу-жену, Роджер давно уже живет не по средствам и, пользуясь своим служебным положением, крадет дорогие картины у кандидатов на руководящие должности.

Однажды он встречает голландца Класа Граафа – идеального кандидата и одновременно владельца картины Рубенса, которая поможет Роджеру решить все семейные и финансовые проблемы. Но внезапно «охотник за головами» сам превращается в добычу…

Ю Несбё

Охотники за головами

Jo Nesb?

HODEJEGERNE

Copyright © Jo Nesb? 2008

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© Е. Чевкина, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Столкновение двух тел – простая физика. Все случайно, но все случайности описываются уравнением: сила, действующая на тело, равна массе, умноженной на ускорение. Стоит подставить вместо случайностей конкретные числа, и получится прогноз, простой, ясный и неумолимый. Из него понятно, например, что будет, когда полностью загруженный трейлер массой двадцать пять тонн на скорости восемьдесят километров в час столкнется с легковым автомобилем массой восемьсот килограммов, идущим с той же скоростью. Исходя из таких случайностей, как точка столкновения, характеристики кузовов и угол расположения тел относительно друг друга, можно получить множество вариантов сценария, но у всех у них будет как минимум два общих свойства: исход всегда трагический и всегда для легковой машины.

Тут удивительно тихо, я слышу, как ветер вздыхает в кронах и как струится в реке вода. Рука меня не слушается, сам я вишу вниз головой, тесно зажатый внутри плоти и железа. Сверху, с пола, капает кровь и бензин. Подо мной, на крыше салона в шахматную клетку, лежат маникюрные ножницы, оторванная рука, два мертвых человека и раскрытая косметичка. В мире нет красоты, осталась только косметика. Белая королева свергнута, я – убийца, и никто тут больше не дышит. Даже я. Поэтому я скоро умру. Закрою глаза и сдамся. Это так

чудесно – сдаться. Мне больше нечего ждать. И поэтому я спешу рассказать свой вариант этой истории про угол расположения тел относительно друг друга.

Часть первая

Первое собеседование

1. Кандидат

Кандидат был перепуган до безумия.

Он был в экипировке из бутика Гуннара Эйе: серый костюм от Эрменеджильдо Зеньи, сшитая вручную рубашка от Борелли и бордовый галстук в мелкий сперматозоид – по моим прикидкам, «Черрути-1881». А насчет туфель я точно знал: «Феррагамо» ручной работы. У меня самого когда-то были такие.

Бумаги, лежащие передо мной, гласили, что на счету кандидата – сданный выпускной экзамен Норвежской высшей школы экономики и управления бизнесом в Бергене со средней оценкой почти в семь баллов, один депутатский срок в стортинге от партии «Хёйре» и четырехлетняя история успешного руководства неким норвежским промышленным предприятием среднего бизнеса.

И тем не менее Иеремиас Ландер был до безумия перепуган. Верхняя губа блестела от пота.

Он поднял стакан с водой, который мой секретарь поставил на низкий столик между ним и мной.

– Мне хотелось бы… – сказал я и улыбнулся.

Не той открытой, бесхитростной улыбкой, словно приглашающей совершенно постороннего человека к огоньку, нет, не настолько несерьезной. Но вежливой и чуть тепловатой, которая, согласно специальной литературе, сигнализирует о профессионализме специалиста по подбору кадров, его объективности и аналитической дистанции. Именно отсутствие эмоциональной вовлеченности специалиста по кадрам позволяет кандидату сохранить к нему доверие. А кандидат при этом тоже – согласно той же литературе – будет сообщать о себе более трезвую, объективную информацию, поскольку у него возникнет ощущение, что любое актерство тут же раскусят, преувеличения разоблачат, а за уловки накажут. Но я улыбаюсь так совсем не по рекомендации специальной литературы. Ведь я плевал на специальную литературу, эту копилку патентованной муры разной степени заумности; все, что мне надо, – это Инбау, Рейд и Бакли с их девятишаговым методом допроса свидетелей. Нет, я улыбаюсь так, поскольку в самом деле таков: профессионален, логичен и эмоционально не вовлечен. Я охотник за головами. Вообще-то, это не очень трудно. Но я – царь горы.

– Мне хотелось бы, – повторил я, – чтобы вы рассказали теперь о своей жизни вне работы.

– А такая существует?

Его смешок прозвучал на полтона выше, чем следовало. Когда человек отпускает подобные вымученные шутки во время собеседования, то ему приходится не только самому улыбаться, но еще и следить взглядом за принимающей стороной – дошло ли?

– Надеюсь, – сказал я, и его смешок превратился в покашливание. – Я полагаю, руководству предприятия важно, чтобы жизнь их нового шефа была сбалансированной. Им нужен человек, который сможет просидеть на этом месте не один год, стайер, способный рассчитывать силы. А не такой, что выгорит за четыре года.

Иеремиас Ландер кивнул и выпил залпом полстакана воды.

Он был примерно на четырнадцать сантиметров выше меня и тремя годами старше. То есть ему было тридцать восемь. Немного молод для такой работы. И он это знал и потому чуть подкрасил волосы – в легкую седину на висках. Я это

еще раньше заметил. Я все заметил раньше. Я заметил, что кандидат, страдая от потливости ладоней, пришел с куском мела в правом кармане пиджака и ответил мне сухим и белоснежным рукопожатием. Из горла Ландера вырвался клекот. Я пометил в анкете: «Высокая мотивированность. Ориентирован на поиск решения».

– Вы живете тут, в Осло? – спросил я.

Он кивнул:

– В Скёйене.

– И женаты на…

Я полистал его бумаги и сделал раздраженное лицо, показывающее кандидатам, что это от них ожидается инициатива.

– На Камилле. Мы женаты десять лет. Двое детей. Школьники.

– А как вы охарактеризуете ваш брак? – спросил я, не поднимая глаз. Дал ему две долгие секунды и продолжил, когда он так и не собрался с ответом: – Вы считаете себя по-прежнему женатыми, притом что последние шесть лет проводили на работе две трети вашей жизни?

Я поднял глаза. Растерянность во взгляде, как и ожидалось. Я был непоследователен. Сбалансированная жизнь. И требование самоотдачи. Вместе они плохо сочетаются. Прошло четыре секунды, прежде чем он ответил. Одна секунда – лишняя.

– Надеюсь.

Уверенная, отработанная улыбка. Но все же недостаточно отработанная. Для меня. Он ответил мне моим же словом, и я зачел бы это в плюс, будь тут осознанная ирония. Однако в данном случае это лишь бессознательное копирование реплики человека, чей статус воспринимается как более высокий. «Низкая самооценка», – записываю я. К тому же он «надеется», он не знает, не выказывает прогноза, не читает будущего в хрустальном шаре и даже понятия

не имеет о том, что всякий руководитель должен как минимум производить впечатление ясновидящего.

«Не импровизатор. Не пилот хаоса».

– Она работает?

– Да. В адвокатской конторе, в центре.

– Каждый день, с девяти до четырех?

– Да.

– А когда дети болеют, кто остается дома?

– Она. Но к счастью, Никлас и Андерс очень редко…

– Так у вас ни домработницы, ни кого-то другого, кто находился бы дома в дневное время?

Он колебался, как все кандидаты, когда они не уверены, какой ответ предпочтительнее. Врут они при этом до обидного редко. Ландер помотал головой.

– Судя по вашему виду, вы следите за своим здоровьем, Ландер?

– Да, регулярно занимаюсь спортом.

Никаких колебаний на этот раз. Все знают, что предприятиям не нужен топ-менеджер, которого хватит инфаркт на первой же крутой горке.

– Бег трусцой и на лыжах, надо полагать?

– Да-да. Вся моя семья любит бывать на природе. У нас даже горный домик есть в Нуреуфьелле.

– Ясно. Значит, и собака есть.

Он покачал головой.

– Нет собаки? Аллергия?

Энергичное мотание головой. Я записал: «Возможно, отсутствует чувство юмора».

Потом я откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев. Жест, конечно, преувеличенно вызывающий. А что тут сказать? Я такой.

– Как вы оцениваете свою репутацию, Ландер? И что вы сделали, чтобы у нее была цена?

Он нахмурил взмокший лоб, силясь понять. Две секунды, капитуляция:

– В смысле?

Я вздохнул так, чтобы он услышал. Огляделся, словно в поисках какого-нибудь педагогического примера, к которому до сих пор не прибегал. И, как обычно, нашел его на стене перед собой.

– Вы интересуетесь искусством, Ландер?

– Немного. Жена интересуется, во всяком случае.

– Моя тоже. Видите вон ту картину? – Я указал на картину «Сара раздевается», двухметровой высоты портрет на латексе: женщина в зеленой рубашке, скрестив руки, собирается снять через голову красный свитер. – Подарок моей жены. Художник Джулиан Опай, вещь ценой в четверть миллиона крон. У вас есть какой-нибудь предмет искусства такой ценовой категории?

– Вообще-то, да.

– Поздравляю. Можно ли при взгляде на него догадаться, сколько он стоит?

– Вряд ли.

– Вот именно, вряд ли. Эта картина состоит из нескольких штрихов, голова женщины – это овал, ноль без лица, а краска нанесена ровно, без всякой текстуры. К тому же она оцифрована и может быть распечатана в одно нажатие клавиши.

– Ужас.

– Единственное – на мой взгляд, единственное – основание для того, чтобы картина стоила четверть миллиона, – это репутация художника. Слухи о том, что он хорош, вера рынка в то, что он гений. Потому что гениальность – такая вещь, которую руками не пощупаешь, в ней никто никогда до конца не уверен. То же и с руководителями, Ландер.

– Я понимаю. Репутация. Руководитель должен внушать доверие.

Помечаю у себя: «Не дурак».

– Конечно, – продолжаю я. – Все зависит от репутации. Не только зарплата руководителя, но и биржевая цена акций предприятия. Так каким же произведением искусства вы владеете и как высоко оно оценивается?

– Автолитография Эдварда Мунка «Брошь». Цены я не знаю, но…

Я нетерпеливо махнул рукой.

– На последнем аукционе она шла за триста пятьдесят тысяч, – сказал он.

– А как подобная ценность защищена от кражи?

– В нашем доме хорошая охранная система, – сказал он. – «Триполис». У всех соседей такая.

– «Триполис» хорош, но дорог, – у меня он у самого стоит. Тысяч восемь в год. А сколько вы инвестировали в собственную профессиональную репутацию?

– В смысле?

– Двадцать тысяч? Десять тысяч? Меньше?

Он пожал плечами.

– Ни единого эре, – сказал я. – У вас резюме и карьера, которые стоят раз в десять дороже, чем картина, о которой вы говорили. Однако никто за всем этим не присматривает, никакой охранник. Потому что вы не видите такой необходимости. Вы считаете, что результат вашего руководства акционерным обществом сам за себя говорит. Ведь так?

Ландер не ответил.

– Однако, – сказал я, подавшись вперед и понизив голос, словно собираясь сообщить некую тайну, – это не так. Результат – это картина Опая: несколько штрихов и ноль без лица. Картина – ничто, репутация – все. Это-то мы и можем предложить.

– Репутацию?

– Вы тут сидите передо мной, один из шести хороших кандидатов на руководящую должность. Только не думаю, что вы ее получите. Потому что для такой должности ваша репутация слабовата.

Рот у него раскрылся, словно для протестующего крика. Которого так и не последовало. Я снова откинулся на высокую спинку кресла, оно скрипнуло.

– Господи, да вы же добивались этой работы! А всего-то и надо было, чтобы какое-нибудь подставное лицо просто указало нам на вас, а вы бы потом, при встрече с нами, уверяли, что знать об этом не знаете. Ведь за топ-менеджером надо еще охотиться, они не появляются сами, готовенькие – подстреленные и освежеванные.

Я видел, что мои слова возымели действие. Он был глубоко потрясен. Это вам не обычная анкета для собеседования, не Кюте, не Диск и не какой-нибудь еще из подобных тупых и неудобных вопросников, выдуманных психологами с более

или менее выраженной психологической тугоухостью и так называемыми специалистами по человеческому потенциалу, которые сами такового начисто лишены. Я вновь понизил голос:

– Надеюсь, ваша жена не слишком расстроится, когда вы ей все это расскажете сегодня вечером. Что вожделенная работа вам так и не досталась. Что карьера в этом году пока повисает в режиме ожидания. Как было и в прошлом году…

Он вздрогнул. В десятку! Еще бы. Это же Роджер Браун в действии, ярчайшая звезда на кадровом небосклоне на сегодняшний день!

– В прошлом?

– А разве нет? Вы ведь предлагались на руководящую должность в «Денья». Майонез и печеночный паштет, правильно?

– Я полагал, там все конфиденциально, – кротко проговорил Иеремиас Ландер.

– Безусловно. Но у меня такая работа – отслеживать все. Вот я и отслеживаю. Доступными мне методами. Глупо добиваться должности, которую не получишь, особенно в вашем положении, Ландер.

– В моем положении?

– Ваши бумаги, ваши профессиональные достижения, результаты тестов и мое впечатление от вас говорят мне, что все необходимое у вас есть. Что вам не хватает только репутации. А в репутации главное – эксклюзивность. Метания в поисках негарантированной работы подрывают эксклюзивность. Вы руководитель, вы ожидаете не места – но место! Ту самую, единственную работу. И она вам будет предложена. На серебряном блюдечке.

– Правда? – сказал он, снова пытаясь изобразить уверенную улыбку. На этот раз безуспешно.

– Я очень хотел бы заполучить вас в нашу конюшню. Вы не должны искать никаких других мест. Не должны соглашаться, когда вам позвонят из других агентств по подбору персонала с привлекательно выглядящими предложениями.

Вы должны держаться только нас. Быть эксклюзивом. Дать нам выстроить вашу репутацию и охранять ее. Позволить нам стать для вашей репутации тем, чем «Триполис» стал для вашего дома. Через два года вы придете к жене с гораздо более хлебной должностью, чем эта, о которой мы толкуем. С гарантией.

Иеремиас Ландер провел большим и указательным пальцем вдоль тщательно выбритого подбородка.

– Хм. Это несколько иной поворот, чем я думал.

Поражение словно успокоило его. Я наклонился к нему. Развел руки. Приподнял ладони. Посмотрел ему в глаза. Исследования показали, что семьдесят восемь процентов впечатления во время собеседования создается при помощи языка тела и только восемь – того, что ты говоришь. Остальное – это одежда, запах изо рта и подмышек и то, что висит у тебя на стенке. Языком тела я владел великолепно. И в данный момент с его помощью транслировал открытость и доверительность. Пригласил наконец кандидата к огоньку:

– Послушайте, Ландер. Завтра сюда приедет председатель правления заказчика и его руководитель службы информации для встречи с одним из кандидатов. Я хотел бы, чтобы они встретились и с вами тоже. В двенадцать часов – годится?

– Прекрасно, – ответил он, не притворяясь, что ему надо сперва заглянуть в свой ежедневник.

Он мне нравился все больше.

– Я хотел бы, чтобы вы выслушали, что там у них есть, а потом вежливо отказались, поскольку вас это в настоящий момент уже не интересует, объяснили бы, что это не то предложение, на которое вы рассчитывали, и пожелали бы им удачи.

Иеремиас Ландер склонил голову набок:

– А я не покажусь им несерьезным?

– Вы покажетесь им амбициозным, – сказал я. – Человеком, знающим себе цену. Человеком, чьи услуги эксклюзивны. И это – начало истории, которую мы… – Я взмахнул рукой.

– Репутация?

– Она. Ну что, договорились?

– На два года.

– Гарантирую.

– А как именно вы это гарантируете?

Я записал: «Чуть что – снова переходит в оборону».

– Потому что я назначу вас на одно из мест, о которых говорю.

– Но как? Не вы же принимаете решение.

Я снова прикрыл глаза. Это выражение лица ассоциировалось у Дианы, моей жены, с образом ленивого льва, пресыщенного владыки саванны. Образ мне нравился.

– Моя рекомендация – это решение заказчика, Ландер.

– В смысле?

– Так же точно, как вы никогда больше не будете искать работу, не зная наверняка, что ее получите, я никогда не даю таких рекомендаций, которым бы не следовал заказчик.

– Неужели? Никогда?

– Старожилы не припомнят. Я никого никому не порекомендую, если на сто процентов не уверен, что заказчик последует моей рекомендации, – в противном

случае пусть лучше заказ уйдет к конкурентам. Даже если у меня три блестящих кандидата и я уверен на девяносто процентов.

– Но почему?

Я улыбнулся:

– Ответ начинается на букву «р». На которой выстроена вся моя карьера.

Ландер покачал головой и улыбнулся:

– Мне говорили, что вы феноменальный, Браун. Теперь я понимаю, что имелось в виду.

Я улыбнулся и встал.

– Теперь я предлагаю вам отправиться домой и сообщить вашей красавице жене, что вы отказались от этой работы, так как решили, что надо метить повыше. Ручаюсь, вас ждет приятный вечер.

– Почему вы это делаете для меня, Браун?

– Потому что комиссионные, которые ваш работодатель заплатит нам, составляют треть вашей номинальной зарплаты за первый год. Вам известно, что Рембрандт имел обыкновение ходить на аукционы, чтобы поднимать цену на свои картины? Зачем мне продавать вас за два миллиона в год, если мы, немного поработав над репутацией, сможем это сделать за пять? Единственное, чего мы требуем, – чтобы вы доверили это нам. Ну что, договорились? – Я протянул ему руку.

Он жадно схватил ее:

– У меня чувство, что это была полезная беседа, Браун.

– Присоединяюсь, – сказал я, отметив для себя, что надо будет дать ему пару рекомендаций насчет техники рукопожатия, прежде чем он встретится с заказчиком.

Фердинанд проскользнул в мой кабинет, едва Иеремиас Ландер ушел.

– Бэ-э! – сказал он и скорчил рожу, помахав перед носом ладошкой. – «Eau de camouflage»[1 - Здесь: маскировочная вода (фр.).].

Я кивнул, открывая окно, чтобы проветрить. Фердинанд имел в виду, что кандидат крепко надушился, чтобы перебить запах нервозного пота, обычно заполняющий наши допросные.

– По крайней мере, это был «Клайв Кристиан», – сказал я. – Жена купила. Как, кстати, и костюм, туфли, рубашку и галстук. И это была ее идея – подкрасить виски в седину.

– А ты откуда знаешь? – Фердинанд опустился в кресло, в котором прежде сидел Ландер, но тут же снова вскочил с омерзением на лице, почувствовав влажное тепло, все еще державшееся в обивке.

– Он побелел как полотно, стоило мне нажать на кнопку «жена», – ответил я. – Я предсказал, как она будет разочарована, когда он сообщит ей, что эта работа ему не достанется.

– Кнопка «жена»! Откуда это у тебя, Роджер?

Фердинанд пересел в другое кресло, положил ноги на стол – довольно сносную имитацию кофейного столика от Ногучи, – взял апельсин и стал счищать с него кожуру, так что фонтан едва видимых брызг оросил его наглаженную рубашку. Для гомосексуалиста Фердинанд был чересчур неряшлив. И чересчур гомосексуален для охотника за головами.

– Инбау, Рейд и Бакли, – сказал я.

– Ты и раньше говорил, – сказал Фердинанд. – Ну и как оно при ближайшем рассмотрении? Лучше, чем Кюте?

Я улыбнулся:

– Это девятишаговая система ведения допроса, Фердинанд. Это автомат по сравнению с рогаткой, штука, которая грязи не боится и пленных не берет, но дает быстрый и надежный результат.

– И какой же результат, Роджер?

Я знал, чего он хочет, Фердинанд, и это было нормально. Он хотел выведать, в чем тут фишка, из-за которой я был лучшим, а он – соответственно – не был. И я дал ему то, чего он хотел. Потому что так полагается, знаниями надо делиться. И потому, что он все равно никогда не станет лучше меня, потому что он всегда будет ходить в рубашках, благоухающих цитрусовой кожурой, и подглядывать, вдруг у кого-то есть система, метод, секрет лучше, чем у него самого.

– Подчинение, – ответил я. – Признание. Честность. Система строится на простейших принципах.

– Типа?

– Типа того, что ты начинаешь расспрашивать подозреваемого о семье.

– Ха, – сказал Фердинанд. – Я и сам так делаю. От этого они чувствуют себя увереннее – когда могут поговорить о том, что знают, о чем-то близком. А заодно сами приоткрываются.

– Естественно. Но еще это помогает нащупать их слабые места. Ахиллесову пяту. Которую можно будет потом использовать в ходе дальнейшего допроса.

– Ух, ну и терминология!

– А потом, уже в ходе допроса, когда придется говорить на болезненные темы – о том, что случилось, об убийстве, в котором человек подозревается, когда он почувствует себя настолько одиноким и всеми покинутым, что ему захочется куда-нибудь спрятаться, ты следишь, чтобы бумажное полотенце находилось на столе на таком расстоянии от подозреваемого, чтобы тот не мог дотянуться.

– Зачем это?

– Затем, что естественным образом нарастает крещендо и настает время нажать на чувствительную кнопочку. Ты должен спросить, что подумают его дети, когда узнают, что их отец – убийца. И тут, когда на глаза его наворачиваются слезы, ты ему и протягиваешь это самое бумажное полотенце. Ты становишься тем, кто все поймет, кто поможет, кому можно довериться и поведать про все, что так мучает. Рассказать про это глупое-глупое убийство, которое и произошло практически как-то само.

– Убийство? Что-то я ни черта не понимаю. Мы же набираем персонал, а не пытаемся пришить им убийство!

– Лично я пытаюсь, – сказал я и схватил свой пиджак, висевший над столом. – Вот почему я лучший в городе охотник за головами. Кстати, пойдешь завтра в двенадцать на собеседование клиента с Ландером.

– Я?

Я открыл дверь и пошел по коридору вместе с семенящим следом Фердинандом – мимо двадцати пяти остальных кабинетов, вместе составляющих «Альфу», средней величины фирму по подбору персонала, существующую уже пятнадцать лет и каждый год приносящую от пятнадцати до двадцати миллионов, которые, за вычетом до крайности скромных бонусов лучшим из нас, отправляются в карман собственника в городе Стокгольме.

– Да ерунда. Все данные в файле. Договорились?

– Договорились, – сказал Фердинанд. – При одном условии.

– Условии? Это я делаю тебе услугу.

– Вернисаж в галерее, который сегодня вечером устраивает твоя жена…

– Да, что с ним?

– Можно мне туда сходить?

– А ты приглашен?

– Вот! А я приглашен?

– Не думаю.

Фердинанд резко остановился и пропал из моего поля зрения. Я шел дальше, зная, что он стоит уронив руки, смотрит мне вслед и думает, что и на этот раз ему не удастся ни попить шампанского в компании золотой молодежи, ночных фей, звезд и богатеев Осло, ни потусоваться в том легком гламуре, который окружает Дианины вернисажи, ни завязать контакты с потенциальными кандидатами на эксклюзивные места, включая постель, или иные порочные связи. Бедняга.

– Роджер? – Это была девчонка за столом в приемной. – Вам было два звонка. Один…

– Не сейчас, Ода, – ответил я на ходу. – Я выйду на сорок пять минут. И принимать звонки не надо.

– Но…

– Сами перезвонят, если что-то важное.

Ничего девочка, только ее еще учить и учить, эту Оду. Или она Ида?

2. В третичном секторе экономики

Свежий солоноватый осенний воздух, пахнущий выхлопными газами, рождал ассоциации с морем, нефтедобычей и валовым внутренним продуктом. Косые лучи солнца отражались в окнах офисных зданий, отбрасывающих резкие прямоугольные тени на то, что некогда было промзоной. Теперь она стала районом супердорогих бутиков и квартир и супердорогих офисов супердорогих консультантов. С точки, где я стоял, мне было видно три фитнес-центра, где все часы уже зарезервированы, с утра до самого вечера. Молодой парень в костюме от Корнелиани и очочках в стиле «я ботан» почтительно поздоровался со мной,

едва мы поравнялись, и я милостиво кивнул в ответ. Я понятия не имел, кто он, знал только, что он наверняка из какой-нибудь другой фирмы по подбору персонала. Эдвард У. Келли, что ли? Только охотник за головами может так почтительно здороваться с себе подобным. Или, выражаясь проще, никто, кроме охотников за головами, не станет со мной здороваться, потому что не знает, кто я. Во-первых, я ограничил свои социальные контакты обществом моей жены Дианы. Во-вторых, я работаю в фирме, которая – в точности как фирма Келли – относится к числу эксклюзивных, которые избегают светиться в СМИ и о которых вы, как вам кажется, никогда не слышали; но если у вас достаточно квалификации, чтобы занять одну из ведущих должностей в этой стране и в один прекрасный день вам позвонили от нас, то у вас внутри что-то щелкнет: эта контора, «Альфа», где же я слышал это название? Может, на совещании руководства концерна в связи с назначением нового директора подразделения? Так что вы о нас все же слышали. Но ничего не знаете. Ведь скромность – наша главная добродетель. И единственная. Потому что все остальное – это большей частью вранье самого примитивного сорта, как, например, то, что вы слышите, когда я завершаю очередное собеседование постоянной мантрой: «Вы – тот самый человек, какого я искал для этой должности. Для которой вы, думаю, а вернее, точно знаю, подходите оптимально. А значит, и эта должность оптимально подходит для вас. Уж поверьте мне».

Ну-ну. Верить мне не стоит.

Н-да, я предположил бы Келли. Или Амрупа. Судя по прикиду, чувак, по крайней мере, не из этих крупных, беспонтовых, неэксклюзивных контор типа «Мэнпауэр» или «Адеко». Но и не из микроскопических и распонтованных типа «Хоупленд», тогда я бы знал, кто это. Может, разумеется, быть из солидной конторы средней понтовости, вроде «Меркьюри арвал» или «Дельфы», или из какой-нибудь мелкой, совсем беспонтовой и безымянной, какие набирают средний руководящий состав и только с нашего разрешения конкурируют с нами, большими мальчиками. И проигрывают, и возвращаются назад – подбирать директоров магазинов и главных бухгалтеров. И почтительно здороваются с такими, как я, в надежде, что однажды мы их вспомним и пригласим к себе на работу.

У нас, охотников за головами, не существует никаких официальных рейтингов, никаких опросов общественного мнения, как у агентов по недвижимости, или ежегодных профессиональных фестивалей с наградами, как у телевизионщиков или рекламщиков. Но мы знаем. Знаем, кто царь горы, кто крупно рискует, а

кому скоро крышка. Подвиги совершаются в тишине, похороны – в мертвом молчании. Но чувак, который только что со мной поздоровался, знает, что я – Роджер Браун, охотник за головами, который ни разу не промахнулся, предлагая кандидату работу, который, если нужно, запутывает, принуждает, ломает кандидата и припирает его к стенке, чьим оценкам клиенты слепо доверяют и без колебаний отдают судьбу своей фирмы в его, и только его, руки. Иными словами, не совет директоров порта Осло назначил нового руководителя транспортной службы, не автопрокатный концерн AVIS – руководителя отделения «Скандинавия» и уж конечно не коммунальное управление назначило директора электростанции в Сирдале. А я.

Я решил взять чувака на карандаш: «Хороший костюм. Знает, кому следует выказать уважение».

Я набрал номер Уве в автомате возле магазинчика «Нарвесен», а тем временем проверил свой мобильный. Восемь вызовов. Я удалил все.

– У нас есть кандидат, – сказал я, когда Уве наконец взял трубку. – Иеремиас Ландер, Монолитвейен.

– Что, проверить, есть ли он у нас?

– Нет. Я знаю, он у вас есть. Он приглашен на второе собеседование, завтра. С двенадцати до двух. В двенадцать ноль-ноль. Даешь мне час. Заметано?

– Ага. Что-то еще?

– Ключи. В «Суши & Кофе», через двадцать минут?

– Через полчаса.

Я побрел по деревянной мостовой к «Суши & Кофе». Причиной, по которой было выбрано такое дорожное покрытие, более хрупкое, более маркое и к тому же более дорогое, чем обычный асфальт, стала, видимо, потребность в идиллии, тоска по чему-то исконному, неизменному и подлинному. По крайней мере, более подлинному, чем эта декорация в районе, где некогда в поте лица создавались

реальные вещи, продукт гудящего пламени и тяжких ударов молота. А теперь, словно эхо, – гул кофейных машин и лязг железа о железо в фитнес-центрах. Ибо это – торжество работника третичного сектора экономики над фабричным рабочим, торжество фикции над реальностью. И мне оно по душе.

Я глянул на бриллиантовые серьги, которые уже раньше приметил на витрине у ювелира напротив «Суши & Кофе». Замечательно смотрелись бы на Диане. Но стали бы катастрофой для моего бюджета. Я отбросил эту мысль, пересек улицу и вошел в заведение, где, судя по вывеске, подают суши, а на самом деле – дохлую рыбу. Зато к их кофе никаких претензий. Народа внутри было немного. Стройные, только что после пробежки, платиновые блондинки все еще в спортивных костюмах, потому что им даже в голову не могло прийти принять душ в фитнес-центре на виду у всех. Странно вообще-то, ведь они вложили целое состояние в эти свои тела, которые, по сути, тоже торжество фикции. Они тоже сотрудницы третичного сектора, а точнее, часть персонала, обслуживающего богатого мужа. Эти женщины, даже будь они полные дуры, все равно пойдут изучать юриспруденцию, информатику и историю искусства в качестве дополнительного ухода за собой, вынуждая общество финансировать несколько лет их учебы в университете только ради того, чтобы эти образованные куклы сидели потом дома или тут в кафе и делились опытом, как заставить своих папиков быть в меру довольными, в меру ревновать и в меру ходить на задних лапках. Пока наконец не привяжут их накрепко с помощью детей. А с рождением ребенка все, естественно, меняется, центр власти сместился, муж кастрирован и ему мат. Ребенок…

– Двойной кортадо, – заказал я и уселся на табурет у барной стойки.

Я с удовольствием рассматривал женщин в зеркале. Я счастливый муж. Диана совсем не такая, как эти модные безмозглые паразитки. Ей дано все, чего я лишен. Заботливость. Умение сочувствовать. Верность. Благородство. Если коротко: она – прекрасная душа в прекрасном теле. Но ее красота не канонична, пропорции у нее специфические. Диана словно нарисована в стиле манги, как те чуть кукольные персонажи японских комиксов. Лицо у нее маленькое, с очень маленьким, узкогубым ртом, маленьким носом и большими, чуть удивленными глазами, которые делаются чуть навыкате, когда она устает. Но на мой взгляд, именно такие отклонения от стандарта и создают красоту, делают ее несомненной. Что заставило ее выбрать меня? Сына шофера, студента-экономиста чуть более чем средних способностей, с чуть менее чем средними перспективами и значительно менее среднего роста. Еще лет пятьдесят назад с

моими метром шестьюдесятью восемью я не казался бы коротышкой, по крайней мере по среднеевропейским нормам. А почитать историю антропометрии, так всего сто лет назад метр шестьдесят восемь считалось для Норвегии средним ростом. Но развитие человечества пошло в невыгодном для меня направлении.

Ну ладно она выбрала меня тогда, в минуту некоего душевного смятения; непостижимо другое – то, что такая женщина, как Диана, которая могла бы заполучить любого, кого пожелает, каждый новый день просыпается и по-прежнему желает меня. Что за таинственная слепота не дает ей увидеть мое ничтожество, мою вероломную натуру, мою слабость, когда я натыкаюсь на сопротивление, мою тупую злобу при встрече с тупой злобой? Она не хочет этого видеть? Или все дело в моем умелом и коварном расчете, благодаря которому мое истинное «я» оказалось вне этого благословенного поля зрения влюбленности? И само собой, в ребенке, в котором я до сих пор ей отказывал. Что у меня за власть над этим ангелом в человеческом облике? По словам Дианы, я пленил ее с первого же взгляда смесью заносчивости и самоиронии. Это случилось на одной скандинавской вечеринке в Лондоне, причем мне тогда Диана по первому впечатлению показалась кем-то вроде этих, что тут сидят: белокурая скандинавская красотка из западного Осло, изучающая историю искусства в одной из мировых столиц, в промежутках между занятиями работает моделью, борется против войны и нищеты во всем мире и любит праздники и всякую развлекуху. На то, чтобы понять, что я ошибся, ушло три часа и шесть бутылок «Гиннесса». Во-первых, оказалось, она правда увлечена искусством, почти до одержимости. Во-вторых, она ухитрилась дать понять, что ей искренне неприятно быть частью системы, ведущей войны против людей, не желающих стать частью западного капиталистического мира. Именно Диана объяснила мне тот факт, что эксплуатация развитыми странами развивающихся, даже при условии оказания тем развивающей помощи, всегда была и будет выгодна. В-третьих, она понимала юмор, мой юмор, с помощью которого парень ростом с меня может очаровать даму метра семидесяти с гаком. И в-четвертых – что, несомненно, явилось решающим для меня, – у нее было плохо с языками, но превосходно с логикой. По-английски она изъяснялась, мягко говоря, неуклюже и, улыбаясь, призналась, что ей ни разу в жизни не приходилось применить в деле ни свой французский, ни испанский. Тогда я предположил, что у нее, наверное, мужской склад ума и она любит математику. Она только плечами пожала, но я не отставал и рассказал о майкрософтовском тесте для собеседований, где кандидатам предлагаются готовые логические задачи.

– Причем то, как кандидаты воспримут такую задачу, не менее важно, чем то, как они сумеют ее решить.

– Давай-давай, – сказала она.

– Если простое число…

– Постой! «Простое число» – это какое?

– Которое делится только само на себя и на единицу.

– Ага.

У нее по-прежнему не было в лице того отсутствующего выражения, какое обычно появляется у женщин, стоит разговору зайти о числах, и я продолжил:

– Часто бывает, что простые нечетные числа следуют подряд. Например, одиннадцать и тринадцать. Семнадцать и девятнадцать. Двадцать девять и тридцать один. Понимаешь?

– Понимаю.

– А существуют примеры трех последовательных нечетных чисел, которые все были бы простыми?

– Нет, конечно, – сказала она и поднесла стакан с пивом ко рту.

– Ага. И почему же?

– Думаешь, я совсем дура? В числовом ряду из пяти последовательных чисел одно из нечетных обязательно кратно трем. И что дальше?

– Дальше?

– Ну да, в чем тут логическая задача?

Она сделала большой глоток пива из стакана и посмотрела на меня с нескрываемым, нетерпеливым любопытством. В «Майкрософте» кандидатам

дается три минуты на то, чтобы привести доказательство, которое она дала за три секунды. В среднем эту задачу решали пятеро из ста. И я думаю, что я влюбился в нее именно поэтому. Помню по крайней мере, что я написал тогда на салфетке: «Принять».

И я знал тогда, что могу влюбить ее в себя, только пока мы оба сидим, что, как только я поднимусь, очарование будет разрушено. Так что я продолжал говорить. И говорить. Говоря, я дорастал до метра восьмидесяти пяти. Говорить я умею. Но она перебила меня, едва я разошелся:

– А ты любишь футбол?

– А… а ты? – растерялся я.

– Завтра «Куинс парк рейнджерс» играет против «Арсенала» в Кубке Лиги. Есть интерес?

– Еще бы, – ответил я. Имея в виду интерес к Диане – к футболу я совершенно равнодушен.

В шарфе в синюю полоску она кричала до хрипоты в лондонском осеннем тумане на Лофтус-роуд, пока ее маленькую жалкую команду, «Куинс парк рейнджерс», метелил как хотел большой дядька «Арсенал». Я не мог отвести взгляда от ее страдальческого лица и понял из всей игры только то, что у «Арсенала» шикарный прикид, белый с красным, а у «Рейнджерс» – белый в синюю полоску, отчего игроки напоминали бегающие карамельки.

В перерыве я спросил, почему она не выбрала сильную команду вроде «Арсенала», имеющую все шансы на победу, вместо этих комичных статистов, «Рейнджерс».

– Потому что я им нужна, – ответила она.

Совершенно серьезно. «Я им нужна». Теперь я понимаю мудрость этих слов, которую тогда не уловил. И, рассмеявшись чуть воркующим смехом, она опорожнила пластиковый стакан с пивом:

– Они как беспомощный младенец. Посмотри на них. Они такие лапочки.

– И в ползунках, – сказал я. – «Пустите ко мне малых сих». Это что, твой девиз?

– Хм, – ответила она, склонила голову набок и глянула на меня, широко улыбнувшись. – Пожалуй.

И мы оба засмеялись. Легко и непринужденно.

Результатов матча я не помню. Впрочем, нет, как же: поцелуй возле строгого кирпичного пансионата для девушек «Шепердс-Буш». И одинокая бессонная ночь с безумными и явственными грезами. Десять дней спустя я увидел ее лицо в колеблющемся свете стеариновой свечи, вставленной в винную бутылку у нее на ночном столике. Мы впервые тогда ласкали друг друга, ее глаза были закрыты, жилка на лбу вздулась, а в лице сквозила то злость, то боль, покуда ее бедра яростно бились о мои. То же страдальческое выражение, как тогда, когда ее «Рейнджерс» вылетели из Кубка Лиги. Позже она сказала, что любит мои волосы. Потом это станет рефреном моей жизни, а тогда я услышал это впервые.

Прошло полгода, прежде чем я объяснил ей, что, если мой отец работает в посольстве, это еще не означает, что он дипломат.

– Шофер, – повторила она, притянула к себе мою голову и поцеловала. – Значит, он сможет привезти нас из церкви на посольском лимузине?

Я не ответил, но следующей весной мы обвенчались, с роскошью, но без помпы, в соборе Святого Патрика в Хаммерсмите. Отсутствие помпы выражалось в том, что я уговорил Диану на свадьбу без друзей и родни. Без отца. Только мы, чистые и невинные. А роскошью была сама Диана, она блистала, как два солнца и луна в придачу. Кстати, и «Рейнджерс» в тот день выиграли, так что такси пробиралось к ее однокомнатной квартирке в «Шепердс-Буш» сквозь толпу их болельщиков с карамельными флагами и флажками. Мы жили для самих себя. И только когда мы наконец вернулись в Осло, она впервые завела разговор о детях.

Я посмотрел на часы. Уве должен уже прийти. Взглянув в зеркало, я встретился взглядом с одной из блондинок. Взгляды зацепились друг за друга на время, достаточное, чтобы нам неправильно понять друг друга, если бы мы этого

захотели. Красотка с порносайта, хорошая работа пластического хирурга. Я не захотел. И мой взгляд скользнул дальше. Именно с этого началось когда-то мое первое постыдное приключение – с чересчур долгого взгляда. Первый акт имел место в галерее. Второй – тут, в «Суши & Кофе». Третий – в маленькой квартирке на Эйлерт-Сундтс-гате. Но Лотте – это закрытая глава, и такого больше никогда, никогда не произойдет. Мой взгляд заскользил дальше по залу и остановился.

Уве сидел за столиком как раз напротив входа.

И делал вид, что читает «Дагенс нэрингслив»[2 - Крупнейшая в Норвегии экономическая газета.]. Что уже само по себе прелесть. Уве Хикерюд мало сказать что абсолютно не интересовался курсами акций и большей частью того, что творится в так называемом обществе, – он и читал не без труда. И писал. До сих пор помню его заявление о приеме на работу начальником охранного агентства – с таким количеством орфографических ошибок, что я повеселился от души.

Я соскользнул с высокого табурета и направился к его столику. Он сидел, сложив «Дагенс нэрингслив», и я кивнул на газету. Он улыбнулся, показывая, что ее можно взять. Я молча забрал ее и вернулся на свое место за барной стойкой. В следующую минуту я услышал, как хлопнула входная дверь, и, глянув в зеркало, увидел, что Уве Хикерюда уже нет. Я полистал газету до разворота с курсами акций, осторожно накрыл рукой лежащий там ключ и опустил его в карман пиджака.

Когда я вернулся в офис, меня ожидало шесть эсэмэсок на мобильном. Я стер пять из них не читая и открыл шестую, от Дианы:

Напоминаю, сегодня вечером вернисаж, ты мой талисман.

Она вставила смайлик в солнечных очках, одну из фенечек телефона от «Прада», который я подарил ей на тридцатидвухлетие прошлым летом. «Я как раз о нем больше всего мечтала!» – воскликнула она, вскрыв нарядную упаковку. Но мы оба знали, о чем она мечтала больше всего. И чего я ей так и не дал. Но тем не менее она солгала и поцеловала меня. Можно ли желать большего от женщины?

3. На вернисаже

Метр шестьдесят восемь. Незачем ходить к идиоту психологу, чтобы понять: это требует компенсации, маленький рост требует больших дел. Мы знаем, что невероятное количество величайших произведений человечества создано коротышками. Мы покорили империи, породили гениальнейшие идеи, запечатлели красивейших женщин на киноэкране – короче говоря, мы всегда выбираем себе туфли на высокой платформе. Отдельные придурки, обнаружив, что многие слепые – прекрасные музыканты, а некоторые аутисты могут извлекать в уме квадратные корни, делают выводы, будто всякая ущербность – это скрытое благо. Во-первых, это ерунда. Во-вторых, я все-таки не то чтобы карлик, всего-то чуть ниже среднего роста. В-третьих, более семидесяти процентов людей высшего социального слоя имеют рост выше среднего по своей стране. Высокий рост также напрямую коррелирует с интеллектом, уровнем доходов и рейтингом в общественном мнении. Когда я предлагаю человека на руководящий пост в экономике, рост для меня – один из главных критериев. Высокий рост предполагает уважение, доверие и авторитет. Высокие люди – заметные, они не могут спрятаться, они как мачты, с которых ветром сдувает любую грязь, они могут спокойно стоять там, где стоят. А коротышки шныряют в мутной воде у самого дна, у них есть тайный план, своя программа, в которой главное – что ты коротышка.

Чушь, разумеется, но когда я выбираю кандидата, то руководствуюсь не тем, что данный субъект будет лучше работать, а тем, что он больше понравится клиентам. Я нахожу для них достаточно хорошую голову, сидящую на таком теле, которое бы их устраивало. Судить о первом они сами не в состоянии, зато второе могут видеть собственными глазами. Как богатенькие «ценители» на Дианиных вернисажах: им не хватает образования оценить портрет, зато подпись художника они прочесть в состоянии. В мире множество людей, которые платят бешеные деньги за плохие картины хороших художников. И за посредственные головы на рослых телах.

Я вел мой новый «Вольво-S80» вверх по извилистой дороге, ведущей к нашему новому и чересчур дорогому дому в районе Воксенколлен. Я купил его, потому что у Дианы, когда мы его смотрели, сделалось страдальческое лицо. Жилки на лбу, выступавшие, когда мы с ней любили друг друга, поголубели и запульсировали над миндалевидными глазами. Она подняла правую руку и заправила короткие, красивые, соломенного цвета волосы за правое ухо, словно чтобы лучше слышать, чтобы вслушаться и проверить, не обманывают ли ее

глаза: что это тот самый дом, который она искала. И я понял ее без единого слова. И даже когда огонь в ее глазах погас, после того как агент сказал, что им уже предложили на полтора миллиона выше заявленной цены, я знал, что должен купить ей этот дом. Ибо это единственная жертва, способная искупить то, что я ее отговорил рожать ребенка. Уже не помню, какие именно аргументы я приводил в пользу аборта, но все они были неправдой. А правдой – то, что, если мы на самом деле займем с ней вдвоем все триста двадцать бешено дорогих квадратных метров, места для ребенка тут уже не будет. Вернее, тут не будет места одновременно для ребенка и меня. Ведь я знал Диану. Она, в отличие от меня, однолюб до патологии. Я возненавидел бы этого ребенка с первого же дня. Вместо этого я предложил ей новое поприще. Дом. И галерею.

Я свернул на подъездную дорожку. Камера гаража узнала машину издалека, и ворота открылись автоматически. «Вольво» скользнул в прохладный сумрак, и мотор облегченно вздохнул, когда створка ворот бесшумно опустилась за спиной. Я вышел в одну из боковых дверей и направился по мощенной плоскими камнями дорожке к дому. Это было роскошное здание 1937 года постройки, проект Уве Банга, функционалиста, который, однако, считал, что эстетика важнее затрат, и в этом смысле приходился Диане родственной душой.

Я часто думал, что мы могли бы продать дом и перебраться в более скромное, более обычное жилье, более удобное, наконец. Но всякий раз, приходя домой, когда, как теперь, низкое вечернее солнце отчетливо очерчивает силуэты деревьев, рисует их светом и тенью на фоне далекого леса цвета червонного золота, я понимаю, что это невозможно. Я не могу остановиться. Потому что просто-напросто люблю ее и не могу иначе. А отсюда – все остальное: дом, поглощающая все деньги галерея, дорогие доказательства моей любви, которым она не находит применения, и стиль жизни, на который у нас не хватает средств. Все ради того, чтобы заглушить ее тоску.

Я запер за собой дверь, сбросил туфли и отключил сигнализацию за двадцать секунд до того, как сработал бы сигнал на пульте в «Триполисе». Мы с Дианой долго обсуждали пароль, прежде чем пришли к согласию. Она предлагала слово «ДЭМИЕН», в честь ее любимого художника Дэмиена Хёрста, но я считал, что это тайное имя ее нерожденного ребенка, и поэтому настоял на случайном сочетании букв и цифр, чтобы труднее было его подобрать. И она уступила. Как всегда, когда я проявлял жесткость в ответ на жесткость. Или в ответ на мягкость. Потому что Диана была мягкая. Не слабая, но мягкая и податливая. Как глина, на которой малейший нажим оставляет оттиск. И примечательно, что,

чем больше она отступала, тем сильнее делалась. И тем слабее делался я. Так что в конце концов она высилась надо мной гигантским ангелом, облаком моей вины, долга и нечистой совести. И как бы я ни вкалывал, сколько бы голов ни добыл, сколько бы ни нагреб бонусов из центрального стокгольмского офиса, этого все равно было слишком мало.

Я поднялся по лестнице в гостиную и на кухню, стянул с себя галстук, открыл встроенный холодильник «Саб-Зиро» и достал оттуда бутылку «Сан-Мигеля». Не обычного «Especial», а «1516», супермягкое пиво, Диана предпочитала его, потому что оно варится из чистого ячменя. Из окна гостиной я взглянул на сад, гараж и окрестности – Осло, фьорд, Скагеррак, Германия, мир – и обнаружил, что уже опорожнил всю бутылку.

Я взял еще одну и пошел вниз переодеться к вернисажу.

Проходя мимо Запретной комнаты, я заметил, что дверь приоткрыта. Я открыл ее пошире и увидел, что Диана положила свежие цветы к маленькой каменной статуэтке на низком, похожем на алтарь столике у окна. Столик был единственной мебелью в этой комнате, а каменная статуэтка изображала монаха-младенца с блаженной улыбкой Будды. Рядом с цветами лежали крошечные пинетки и желтая погремушка.

Я вошел, отхлебнул пива, сел на корточки и провел пальцами по гладкой голой макушке каменной фигурки. Это был мицуко-дзидзо, персонаж, который в японской традиции охраняет убитых в утробе младенцев, «мицуко» – «водяных младенцев». Я сам и привез статуэтку из Японии, где неудачно поохотился за головами в Токио. Это были первые месяцы после аборта, Диана по-прежнему ходила подавленная, и я подумал, что, может быть, это ее утешит. Английский продавца не позволял понять все нюансы, но японская идея вроде бы состоит в том, что когда плод погибает, то душа ребенка возвращается в свое изначальное текучее состояние – он становится «водяным младенцем». Который – если подмешать немного японского буддизма – ждет своего нового воплощения. А до тех пор следует справлять так называемые «мицуко кюо» – обряды и скромные жертвоприношения, которые защищают душу нерожденного ребенка и одновременно его родителей от мести водяного младенца. Про последнее я Диане рассказывать не стал. Поначалу я был доволен – казалось, она в самом деле нашла утешение в этой каменной статуэтке. Но когда ее дзидзо превратилось в навязчивую идею и она захотела поставить фигурку в спальне, я сказал «стоп». Отныне никаких жертвоприношений и молитв этой статуэтке не

будет. Хотя особой жесткости я проявлять не стал. Потому что прекрасно знал, что рискую потерять Диану. А терять ее мне никак нельзя.

Я прошел в кабинет, включил компьютер и отыскал в Сети «Брошь» Эдварда Мунка в хорошем разрешении, картину, называемую также «Ева Мудоччи». Триста пятьдесят тысяч на легальном рынке. От силы двести на моем. Пятьдесят процентов продавцу, двадцать тысяч Хикерюду. Восемьдесят тысяч мне. Обычное дело: овчинка, едва стоящая выделки, но зато никакого риска. Картинка черно-белая, 58 на 45 сантиметров. Вполне можно втиснуть в лист формата А2. Восемьдесят тысяч. Не хватит, чтобы расплатиться по кредиту за дом за следующий квартал. Не хватит и близко, чтобы покрыть убытки галереи, что я обещал бухгалтеру сделать в течение ноября. Вдобавок в силу разных причин все дольше приходится ждать, пока на моем горизонте нарисуется очередная приличная картина. Последняя, «Модель на высоких каблуках» Сёрена Унсагера, была больше трех месяцев тому назад и принесла мне от силы шестьдесят тысяч. Надо, чтобы что-то срочно произошло. Чтобы «Рейнджерс» нечаянно забили победный гол, который – пусть незаслуженно – даст им путевку на Уэмбли. Говорят, такое бывает. Вздохнув, я отправил Еву Мудоччи на принтер.

Ожидалось шампанское, так что я заказал такси. Усевшись в машину, я, как обычно, произнес только название галереи, своего рода тест проведенной маркетинговой подготовки. Но – тоже как обычно – таксист лишь вопросительно посмотрел на меня в зеркало.

– Эрлинг-Шальгсонс-гате, – вздохнул я.

Мы с Дианой обсуждали местоположение галереи задолго до того, как она выбрала помещение. Я был убежден, что помещение должно находиться на оси Шиллебекк – Фрогнер, потому что именно там обретаются как платежеспособные покупатели, так и другие галереи определенного уровня. Оказаться вне стаи для новой галереи означало бы преждевременную смерть. Диана же взяла за образец галерею «Серпентайн» в лондонском Гайд-парке и твердо решила, что она должна выходить не на большую деловую улицу вроде Бюгдёй-алле или Гамле-Драмменсвей, а на тихую улочку, где есть пространство для размышлений. Кроме того, уединенное местоположение подчеркнет эксклюзивность, сигнализируя: это – для посвященных, для знатоков.

Я согласился, надеясь, что и арендная плата тоже окажется менее разорительной.

А Диане сказал, что она сможет тогда использовать дополнительный метраж для гостиной, чтобы устраивать там фуршеты после вернисажей. Она к тому времени уже присмотрела свободное помещение на Эрлинг-Шальгсонс-гате, по всем параметрам превосходное. А имя придумал я: «Галерея Э», по первой букве в адресе – «Эрлинг-Шальгсонс-гате». Такое название, по ассоциации с самой успешной галереей города, «Галереей К», говорило бы, что мы ориентированы на публику состоятельную, понимающую и стильную.

Я не стал приводить еще одного аргумента – ассоциаций, например, со словом «эксклюзив»: Диана не любила подобных дешевых эффектов.

Контракт на аренду был подписан, масштабный ремонт пошел полным ходом, и на горизонте замаячил финансовый крах.

Когда такси остановилось, я заметил, что у тротуара припарковано значительно больше «ягуаров» и «лексусов», чем обычно. Хороший знак, который, впрочем, мог означать и прием в одном из близлежащих посольств либо вечеринку Селины Мидельфарт в ее гэдээровской крепости[3 - Одна из самых богатых и успешных предпринимательниц Норвегии и одновременно гламурная львица, Селина Мидельфарт в 2000 г. приобрела в собственность здание посольства ГДР в Осло.].

Внутри струилась из динамиков негромкая, с акцентированными басами музыка в стиле «эмбиент» восьмидесятых годов. Дальше пойдут «Гольдберг-вариации» Баха. Я сам записал этот диск для Дианы.

Публика уже наполовину заполнила помещение, хотя времени было всего полдевятого. Тоже хороший знак: обычно завсегдатаи «Галереи Э» появляются не раньше полдесятого. Диана объяснила, что вернисаж при битком набитом зале – это слишком вульгарно, а полупустой как раз предполагает утонченность. Хотя вообще-то, по моему опыту, чем больше народу, тем больше продастся картин.

Кивая направо и налево без какого бы то ни было ответа, я пробирался к переносной барной стойке. Дианин постоянный бармен Ник протянул мне бокал

с шампанским.

– Дорогое? – спросил я, ощущая на языке горечь пузырьков.

– Шестьсот, – ответил Ник.

– Придется продать хоть часть картин, – сказал я. – Художник-то кто?

– Атле Нёрум.

– Я знаю, Ник, как его зовут, но не знаю, как он выглядит.

– Вон там. – Ник мотнул вправо своей большой, черной, как эбеновое дерево, головой. – Рядом с вашей женой.

Я успел заметить только, что художник – плотный бородатый коротышка. Потому что там стояла она.

В белых кожаных брюках, обтягивающих длинные стройные ноги, она казалась еще выше, чем на самом деле. Прямые волосы по обе стороны прямой челки, и эта прямоугольная рамка усиливала ощущение японского комикса. Свободного покроя белоснежная шелковая блузка в лучах подсветки отдавала в синеву, подчеркивая узкие крепкие плечи и груди совершенной формы – точно две безупречные волны. Боже, как пошли бы сюда те бриллиантовые серьги!

Мой взгляд, неохотно отпустив ее, скользнул дальше. Публика стояла и вежливо беседовала возле картин. Обычный контингент. Богатые, хорошо пахнущие финансисты (костюм с галстуком) и звезды средней величины (костюм с дизайнерской футболкой). Женщины (дизайнерские платья) были актрисами, писательницами или политиками. Также, разумеется, имелся букет молодых, так называемых перспективных и, вероятно, неимущих художников-нонконформистов (рваные джинсы и футболки с надписями), которых я в душе именовал «Куинс парк рейнджерс». Поначалу я морщил нос при виде их в списке, но Диана убедила меня, что нам нужно и что-то «пикантное», что-то более живое и опасное, чем меценаты, расчетливые инвесторы и те, кто ходит сюда в порядке заботы о собственном культурном имидже. Классно, конечно, только я-то знал, что эти субчики явились сюда, потому что выклянчили у Дианы

приглашение. И потому что Диана сама понимала – они тут ради того, чтобы найти покупателей для себя самих, все ведь знают, что она не может отказать, когда ее просят о помощи. Я заметил, что многие – большей частью мужчины – то и дело поглядывают исподтишка в сторону Дианы. Ничего, обойдутся. Такой прекрасной женщины им не заполучить никогда в жизни. И это не допущение, а бесспорный, неопровержимый факт, вытекающий из того, что она – прекраснейшая. И моя. Насколько последнее бесспорно – этой мыслью я старался себя не грузить. Просто напоминал себе, что до сих пор Диана по-прежнему все так же слепа.

Я пересчитал мужчин в галстуках. Так выглядят возможные покупатели. Квадратный метр Нёрума нынче стоит около пятидесяти тысяч. Пятьдесят процентов комиссионных идет галерее, так что можно продать не слишком много и уже окупить сегодняшний вечер. Вернее, нужно продать хоть что-то, потому что с продажи первого Нёрума прошло уже прилично.

Теперь публика устремилась к дверям, и мне пришлось отойти чуть в сторону, чтобы пропустить остальных к подносу с шампанским.

Я побрел к моей жене и Нёруму, чтобы сообщить ему, как я перед ним преклоняюсь. Преувеличение, конечно, но не то чтобы полное вранье – парень несомненно хорош. Однако, прежде чем я протянул ему руку, художник был атакован неким брызжущим слюной малым, явно давним знакомцем, и утащен прочь к какой-то женщине, виновато улыбающейся, точно ей приспичило по-маленькому.

– Хорошо выглядишь, – сказал я и встал рядом с Дианой.

– Привет, любимый.

Она улыбнулась мне сверху вниз и одновременно махнула рукой девушкам-близнецам, чтобы те прошли еще один круг с фуршетными закусками. Суши – это уже вчерашний день, и я предложил нового поставщика – «Алжери», североафриканская кухня с французским уклоном, весьма жгучая. Во всех смыслах. Но увидел, что Диана снова заказала все в «Багатели». Тоже вкусно, конечно. И в три раза дороже.

– Хорошие новости, милый, – сказала она, просовывая руку мне под локоть. – Помнишь, ты рассказывал про должность на той фирме в «Хортене»?

– «Патфайндер», да. Ну и что там?

– Я нашла для них отличного кандидата.

Я глянул на нее, слегка опешив. Как охотник за головами, я время от времени, разумеется, использовал Дианину клиентскую базу и ее круг общения, включавший немало значимых в экономике фигур. Причем без особых угрызений – ведь это я финансировал всю эту прорву. Необычным было то, что Диана сама предложила конкретного кандидата на конкретное место.

Она взяла меня под руку, наклонилась и шепнула:

– Его зовут Клас Греве. Отец голландец, мать норвежка. Или наоборот. В общем, он три месяца назад уволился и только что перебрался в Норвегию, получил дом в наследство и теперь им занимается. У себя в Роттердаме был топ-менеджером в одной из крупнейших европейских фирм по GPS-технологиям. И совладельцем, пока весной их не купили американцы.

– В Роттердаме, – повторил я, отпив шампанского. – А как фирма называется?

– «ХОТЕ».

Я поперхнулся шампанским.

– «ХОТЕ»? Ты уверена?

– Вполне.

– И его сиятельство был там топ-менеджером? Прямо самым-самым топом?

– Греве – это фамилия, я не думаю, что он…

– Ну да, ну да, а его номер у тебя есть?

– Нет.

Я застонал. «ХОТЕ». Именно эту фирму в «Патфайндере» мне назвали как образец. «ХОТЕ», в точности как теперь «Патфайндер», было маленьким высокотехнологичным предприятием, поставлявшим GPS-технологии европейской оборонной промышленности. И бывший глава этой фирмы – просто самое оно. Надо спешить. Все фирмы по подбору персонала утверждают, что выполняют заказы исключительно в своей узкой, эксклюзивной сфере, только так можно работать серьезно и систематично. Но ради такой большой оранжевой морковки – процентов с номинальной годовой зарплаты, приближающейся к семизначному числу, – принципами можно и поступиться. А должность управляющего директора «Патфайндера» – это очень большая, оранжевая и востребованная морковка. Заявки были размещены в трех агентствах – «Альфа», «ИСКО» и «Корн/Ферри интернешнл». В трех самых лучших. Поэтому дело не только в деньгах. Когда мы работаем по системе «без спасения нет вознаграждения», то берем предварительный платеж на покрытие издержек, потом следующую выплату, если предложенный нами кандидат соответствует требованиям, о которых мы условились с заказчиком. А основную, реальную сумму – только когда заказчик принимает на работу того, кого мы порекомендовали. Жирно, конечно, но речь-то реально – реально! – идет о простой вещи: выиграть. Быть царем горы. Встать на платформу.

Я прислонился к Дианиному плечу:

– Послушай, дорогая, это важно. Нет идей, как мне вообще с ним связаться?

Она улыбнулась:

– Ты такой милый, когда тебе не терпится!

– Ты знаешь, где…

– Естественно.

– Где, где?

– Вон стоит. – Она показала рукой.

Напротив одной из весьма экспрессивных картин Нёрума – истекающий кровью мужчина в садомазохистском кожаном шлеме – маячил некто худощавый, прямой и в костюме. В лысом загорелом черепе отражался свет прожекторов. Взбухшие, узловатые жилы на виске. Костюм явно сшит на заказ. На Сэвил-роу, как я понял. Рубашка без галстука.

– Позвать его, любимый?

Я кивнул и посмотрел ей вслед. Приготовился. Заметил его благосклонный кивок, когда Диана обратилась к нему и указала в мою сторону. Они подошли ко мне. Я улыбнулся, но не слишком широко, протянул руку чуть раньше, чем он приблизился, – но не слишком рано. Повернулся к нему всем корпусом, глаза в глаза. Семьдесят восемь процентов.

– Роджер Браун, очень приятно, – свое имя я произнес на английский манер.

– Клас Греве, мне также очень приятно, с моей стороны.

Если не считать этой по-иностранному витиеватой вежливой конструкции, его норвежский был почти безупречен. Рука сухая, горячая, рукопожатие твердое, но в меру, длительность – положенные три секунды. Взгляд спокойный, любопытный, бодрый, непринужденная, дружелюбная улыбка. Единственное, что меня смутило, – он оказался не таким высоким, как я рассчитывал. От силы метр восемьдесят – некоторое разочарование, если вспомнить о лидерстве голландцев в антропометрическом отношении: средний рост мужчины – 183,4 см.

Прозвучал гитарный аккорд. Точнее, G11sus4, с которого начинается «A Hard Day’s Night» из одноименного альбома «Битлз» 1964 года. Я знал это, потому что сам закачал его в качестве рингтона Диане на ее мобильник от «Прада». Она поднесла тонкую, элегантную вещицу к уху и, кивнув с извиняющимся видом, отвернулась.

– Я слышал, господин Греве перебрался к нам сюда совсем недавно?

Я сам почувствовал, как это прозвучало – репликой из этакой старомодной радиопьесы, но назначение вступительной фразы – подстроиться под собеседника и продемонстрировать собственный низкий статус. А уж

преображение себя ждать не заставит.

– Я получил в наследство от бабушки квартиру, на Оскарс-гате. Она два года пустовала и нуждается в ремонте.

– Вот как!

Я, улыбаясь, поднял обе брови – выражение интереса, но без назойливости. Только чтобы дать ему возможность, следуя социальным кодам, ответить чуть более развернуто.

– Да, – сказал Греве. – Приятно сделать перерыв после многих лет напряженной работы.

Теперь ничто не мешало перейти прямо к делу:

– В «ХОТЕ», насколько я понимаю?

Он глянул на меня в легком изумлении:

– Вы знаете эту фирму?

– У фирмы по подбору персонала, в которой я работаю, среди заказчиков есть их конкурент, «Патфайндер». Знаете их?

– Более-менее. Работает на «Хортен», если не путаю. Маленькие, да удаленькие, не так ли?

– Даже подросли немножко за те месяцы, пока вас не было в этой отрасли.

– В GPS с этим быстро, – сказал Греве, вертя в руке бокал с шампанским. – Все нацелены на экспансию, наш девиз – вырасти или умри.

– Это я заметил. Видимо, поэтому «ХОТЕ» и продали?

Улыбка Греве выразилась только в тонкой сеточке морщин на выдубленной коричневой коже вокруг светло-голубых глаз.

– Самый быстрый способ вырасти – это, как известно, продаться крупной фирме. Эксперты считают, что тем, кто не вошел в один из пяти крупнейших GPS-холдингов, жить осталось года два.

– Но вы с этим, как я понял, не согласны?

– Я считаю, что для выживания главное – инновации и гибкость. И пока есть достаточное финансирование, маленькая, но маневренная единица – это лучше, чем большая. Признаюсь, что если бы даже я сам разбогател от продажи «ХОТЕ», то все равно выступил бы против ее продажи и уволился бы сразу после нее. – И снова эта мгновенная улыбка смягчила его жесткое, но холеное лицо. – Хотя, наверное, это просто у меня такая партизанская натура. Тебе не кажется?

«Тебе». Хороший знак.

– Я знаю только, что «Патфайндер» ищет управляющего директора, – сказал я и сделал знак Нику, чтобы принес нам еще шампанского. – Такого, который смог бы противостоять иностранным попыткам их купить.

– Даже так?

– А у меня создалось впечатление, что ты мог бы оказаться для них очень привлекательным кандидатом. Правда, интересно?

Греве рассмеялся. Это был приятный смех.

– Очень жаль, Роджер, но мне надо квартирой заниматься.

По имени назвал.

– Я не о самой работе, Клас. А о том, что просто интересно об этом поговорить.

– Ты не видел эту квартиру, Роджер. Она старая. И огромная. Вчера я обнаружил новую комнату, за кухней.

Я взглянул на него. Это не только заслуга Сэвил-роу, что костюм так хорошо на нем сидит. Это еще и отличная физическая форма. Внутренняя форма, я бы сказал. Не бугрящиеся накачанные мышцы, а сухая, жилистая сила, едва выказывающая себя в сосудах на шее и затылке, в осанке, в медленном дыхании, в голубом кислородном голоде артерий на тыльной стороне кистей. Впрочем, и о твердости мышц под тканью костюма вполне можно было догадаться. Упертый, подумал я. Беспощадно упертый. Я уже решил для себя: я хочу заполучить эту голову.

– Искусство любишь, Клас? – спросил я, протягивая ему один из бокалов, с которыми вернулся Ник.

– Да. И нет. Я люблю такое искусство, которое показывает. Но то, что я вижу, – это чаще всего заявка на красоту и истину, которых нет. Возможно, на уровне замысла они имеются, но нет коммуникативного таланта это передать. А там, где я не могу увидеть красоты или истины, там для меня их и нет, вот и все. Художник, утверждающий, будто он не понят, почти всегда плохой художник, и вот это, к его несчастью, многим как раз понятно.

– Тут мы сходимся, – сказал я и поднял бокал.

– Я извиняю большинству недостаток таланта, видимо потому, что мне самому его не так много досталось, – сказал Греве и едва смочил шампанским тонкие губы. – Но не художникам. Мы, бесталанные, работаем в поте лица своего и платим за то, чтобы они могли резвиться вместо нас. Это честно, и так должно быть. Но пусть тогда хоть резвятся хорошо.

Я уже понял и знал то, что результаты тестов и углубленного собеседования только подтвердят. Это тот, кто нужен. Имей «ИСКО» или «Меркьюри арвал» два года на поиски, им бы все равно не найти лучшего кандидата.

– Знаешь что, Клас? Нам надо потолковать. Диана мне как раз это предложила. – Я протянул ему свою визитную карточку. Без адреса, факса или веб-страницы, только имя, мобильный номер и «Альфа» в уголке крохотными буквами.

– Я ведь уже сказал… – начал Греве и взглянул на мою карточку.

– Слушай, – перебил я. – Человек не знает, что для него благо, как говорит Диана. Я не знаю, о чем мы с тобой потолкуем – давай об искусстве. Или о будущем. Или о ремонте домов – у меня есть, кстати, парочка мастеров на примете, лучшие в Осло и берут умеренно. Но потолковать нам надо. Как насчет завтра, в три?

Греве мгновение смотрел на меня, улыбаясь. Потом погладил подбородок тонкими пальцами.

– По-моему, изначальная идея визитных карточек – снабдить получателя информацией, нужной для нанесения визитов.

Я достал конклиновскую авторучку, написал офисный адрес на обороте визитки и проследил, как она скрылась в пиджачном кармане Греве.

– Надеюсь, мы потолкуем с тобой, Роджер, но теперь мне пора домой – набраться сил, чтобы ругаться с моими столярами по-польски. Мой привет твоей очаровательной жене.

Греве четко, по-военному, откланялся, повернулся на каблуках и направился к двери.

Я все еще смотрел ему вслед, когда подошла Диана:

– Ну как, любимый?

– Роскошный экземпляр. Взгляни хотя бы на походку. Хищник семейства кошачьих. Превосходно!

– Ты хочешь сказать…

– Он ухитрился даже притвориться, что эта работа его не интересует. Господи, я должен добыть эту голову, я сделаю из нее чучело с подкрашенными зубами и повешу на стенку.

Диана радостно всплеснула руками, как маленькая:

– Значит, я помогла? Что, правда помогла?

Потянувшись, я обнял ее за плечи.

Зал был уже вульгарно, великолепно набит до отказа.

– Теперь ты дипломированная охотница за головами, мой цветочек. Как с продажами?

– Мы сегодня не продаем. Я разве не говорила?

Какое-то мгновение я надеялся, что ослышался.

– Это что, просто… выставка?

– Атле не хочет расставаться с картинами. – Извиняющаяся улыбка. – Я его понимаю. Тебе ведь тоже было бы жалко лишиться такой красоты?

Я закрыл глаза и сглотнул. Ладно, мягкость против мягкости.

– Думаешь, это было глупо, Роджер? – услышал я огорченный Дианин голос и собственный ответ:

– Да нет.

А потом ощутил ее губы на щеке.

– Любимый, какой же ты милый! А продать мы сможем и позднее. Это создает нам имидж и делает эксклюзивными. Ты же сам говоришь, как это важно.

Я выдавил улыбку:

– Конечно, любимая. Эксклюзивность – это прекрасно.

Она просияла:

– А знаешь что? На фуршет я позвала диджея. Из клуба «Бло», где исполняют соул семидесятых, ты сам говорил, они лучшие в городе…

Она всплеснула руками, и я почувствовал, как моя улыбка отклеилась от губ, упала на пол и разбилась. Но у моего отражения в Дианином бокале с шампанским она по-прежнему была на месте. Снова прозвучал аккорд G11sus4 Джона Леннона, и Диана полезла за телефоном в карман брюк. Я рассматривал ее, пока она, щебеча, спроваживала каких-то незваных, норовивших пролезть без приглашения.

– Конечно приходите, Миа! Нет, только обязательно возьмите малышку. Подгузники можно менять у меня в кабинете. Конечно, детский крик – это очень кстати, он так оживляет! Только ты мне обязательно дай ее подержать, обещаешь?

Боже, как я люблю эту женщину.

Мой взгляд снова скользнул на собравшуюся публику. И застрял на маленьком бледном личике. Это могла быть она. Лотте. Те же печальные глаза, которые я впервые увидел именно тут. Это была не она. Закрытая глава. Но образ Лотте преследовал меня всю оставшуюся часть вечера, словно бездомная собака.

4. Конфискация

– Опаздываешь, – сказал Фердинанд, когда я вошел в офис. – И с бодуна.

– Ноги со стола, – сказал я, обошел вокруг письменного стола, включил компьютер и, дернув шнур, опустил жалюзи.

Теперь свет уже не бил в глаза, и я снял темные очки.

– Следует это понимать так, что вернисаж удался? – заныл Фердинанд таким голосом, который точно бил в болевую точку у меня в мозгу.

– Были танцы на столах, – ответил я и глянул на часы.

Полдесятого.

– Ну почему самые лучшие праздники вечно те, куда ты не попал? – вздохнул Фердинанд. – Кто-нибудь из известных людей там был?

– Из известных тебе?

– Из знаменитостей, дурачок! – И взмах рукой с вывертом кисти.

Меня уже перестало раздражать его упорное стремление все время выглядеть как на эстраде.

– Кое-кто был, – сказал я.

– Ари Бен?[4 - Норвежский писатель, муж норвежской принцессы Мэрты Луисы, дочери правящего короля Харальда V.]

– Нет. Ты ведь будешь тут на встрече Ландера с заказчиком в двенадцать часов?

– Ну да. А Ханк фон Хельвете[5 - Вокалист норвежской хард-рок-группы «Турбонегро», настоящее имя – Ханс Эрик Дювик Хусбю.] был? Вендела Кирсебом?[6 - Актриса и одна из самых успешных моделей в Швеции 1990-х.]

– Выйди, мне работать надо.

Фердинанд сделал обиженное лицо, но подчинился.

Когда дверь за ним захлопнулась, я забил в Google Класа Греве. И несколько минут спустя уже знал, что он шесть лет был главой и совладельцем «ХОТЕ» до самой продажи компании, был мужем бельгийской фотомодели и в 1985 году стал чемпионом Нидерландов по военному пятиборью. Меня удивило, что, кроме этого, не нашлось ничего. Ладно, в три часа мы применим мягкую версию метода Инбау, Рейда и Бакли, и тогда я узнаю все, что мне нужно.

А до этого надо провернуть одно дельце. Небольшую конфискацию. Я откинулся назад, закрыл глаза. Азарт люблю, но ожидание ненавижу. Сердце уже билось

чуть быстрее нормы. Мелькнула мысль: было бы из-за чего ему биться. Восемьдесят тысяч. Не так много, как кажется. В моем кармане эта сумма гораздо меньше, чем доля Уве Хикерюда в его. Бывало, я начинал завидовать его простой жизни, его одиночеству. Это было первое, в чем я удостоверился, когда проводил с ним собеседование при приеме на должность начальника охранного агентства, – что вокруг него не будет лишних ушей. Как я догадался, что он – мой кадр? Во-первых, его оборонительно-агрессивная манера держаться. Во-вторых, то, как он парировал мои вопросы – так, словно в совершенстве владел допросной техникой.

Поэтому я почти изумился, когда потом, пробив его по базам, не нашел за ним никакого уголовного прошлого. Тогда я позвонил одной знакомой, которая получает у нас деньги по неофициальной ведомости. По роду службы она имеет доступ к полицейскому «архиву перевоспитанных», куда заносятся сведения обо всех осужденных по их выходе на свободу и – несмотря на название – никогда из этого архива не удаляются. И то, что она смогла сообщить мне, свидетельствовало, что я все-таки не ошибся: Уве Хикерюд прошел столько полицейских допросов, что имел возможность изучить девятишаговую систему вдоль и поперек. Хикерюд, впрочем, ни разу ни за что не был осужден. Это говорит о том, что парень совсем не идиот, а просто страдает тяжелой дислексией.

Роста Хикерюд был невысокого, с темными и густыми, как у меня, волосами. Я велел ему подстричься, раз он собирается руководить охранным агентством, – пришлось объяснить, что никто не почувствует доверия к субчику с внешностью гастрольного менеджера списанной в архив хард-рок-группы. Но что я мог поделать с зубами, коричневыми от шведского снюса? Или с лицом, длинным, как лопасть весла, и выступающей нижней челюстью, так что казалось, весь комплект перепачканных снюсом зубов вот-вот выскочит наружу и схватит что-нибудь на лету, как у той жуткой твари из фильмов про Чужого? Но естественно, не стоит требовать слишком многого от человека столь скромных амбиций, как Хикерюд. Он был ленив. Но хотел разбогатеть. Точно таким же образом и другие желания Уве Хикерюда пребывали в конфликте с особенностями его личности: он был уголовник и склонный к насилию коллекционер оружия, но желал жить в мире и терпимости. Он мечтал, прямо-таки молил о дружбе, но люди, словно чуя неладное, предпочитали держаться от него подальше. И он был искренним, неизлечимым, разочарованным романтиком, который искал любви проститутки. В свое время он безнадежно влюбился в одну русскую работящую шлюху по имени Наташа и не мог ей изменить, хотя та – насколько я выяснил – не питала к нему ни малейшего интереса.

Уве Хикерюд был дрейфующей плавучей миной, без якоря, без собственной воли или иной движущей силы, из тех, кто плывет по течению навстречу неизбежной катастрофе. Существом, спасти которое может лишь другой человек, который заарканит его и придаст его жизни направление и смысл. Человек вроде меня. Который сможет пристроить общительного, трудолюбивого юношу с чистой биографией на работу начальником охранного агентства. Все остальное несложно.

Я выключил компьютер и вышел.

– Буду через час, Ида.

Уже на лестнице почувствовал: я сказал что-то не то. Все-таки Ода она, точно.

В двенадцать часов я вырулил на парковку перед супермаркетом «Рими», который, согласно моему GPS-навигатору, находился ровно в трехстах метрах от места жительства Ландера. Навигатор был подарком от «Патфайндеров», думаю, чем-то вроде утешительного приза на случай, если нам не удастся отбить для них у конкурентов нового директора. Они же коротко объяснили, что, собственно, представляет собой GPS, сиречь спутниковые системы навигации, и рассказали, как сеть из двадцати четырех спутников на земной орбите при помощи радиосигналов и атомных часов определяет местоположение тебя самого и твоего GPS-передатчика на планете с точностью до трех метров. Если сигнал поймают четыре спутника или больше, то можно определить даже высоту – сидишь ты на пригорке или, скажем, на дереве. Вся система выросла – как и Интернет – из американских оборонных разработок и предназначалась – как и Интернет, – в частности, для управления ракетами «Томагавк», бомбами «Пейв Лоу» и прочей падалицей, с тем чтобы она по возможности валилась на те головы, на которые нужно. Кроме того, «Патфайндеры» дали мне понять, что разработали передатчик с доступом к GPS-станциям наземного базирования, о которых никто не знает. Эта сеть работает в любую погоду, а передатчик преодолевает даже толстые стены. Председатель правления «Патфайндера» рассказал мне, что для того, чтобы система GPS могла действовать, надо было заложить в нее еще и решение некой математической задачи: земная секунда не равна секунде на спутнике, летящем сквозь космическое пространство, время искривляется, и человек там стареет медленнее. Спутники просто-напросто подтвердили эйнштейновскую теорию относительности.

Мой «вольво» встал в строй автомобилей той же ценовой категории, и я выключил зажигание. Никто и не вспомнит эту машину. Я вышел, держа в руках черную папку, и направился вверх по холму к дому Ландера. Пиджак остался в машине, я натянул на себя синий комбинезон без каких бы то ни было надписей и логотипов. Капюшон скрыл волосы, а темные очки никого не насторожат – стоял один из тех ослепительных осенних дней, которыми природа так щедро одаривает Осло. Тем не менее я опустил взгляд при встрече с одной из молодых филиппинок, что в этом районе катают в колясках детей господствующего класса. Впрочем, на том отрезке улицы, где жил Ландер, не было ни души. Солнце отражалось в панорамных окнах. Я взглянул на свои наручные «Breitling Airwolf», подаренные мне Дианой на тридцатипятилетие. Шесть минут первого. Уже шесть минут как сигнализация в доме Иеремиаса Ландера отключена. Сделано это было совершенно секретно на одном из компьютеров на пульте охранного агентства – через «черный ход» в программе, благодаря которому перерыв не зарегистрируется в журнале сбоев и отключений питания. Благословен тот день, когда я нашел для «Триполиса» начальника охраны.

Я подошел к входной двери, прислушиваясь к голосам птиц, а также собак. Судя по ответам Ландера на собеседовании, у него нет ни домработницы, ни сидящей дома жены, ни взрослых детей, ни собаки. Но стопроцентной гарантии не бывает. Я обычно исхожу из девяноста девяти с половиной – полпроцента на выработку адреналина, чтобы лучше слышать, видеть и обонять.

Я вытащил ключ, полученный от Уве в «Суши & Кофе», – запасной, который все клиенты обязаны оставлять в «Триполисе» на случай вторжения в дом посторонних, пожара или сбоя системы в отсутствие хозяев. Ключ вошел в замок и повернулся с мягким масляным звуком.

И вот я внутри. Замаскированная сигнализация на стене спала, смежив пластмассовые вежды. Я надел перчатки и приклеил их скотчем к рукавам комбинезона, чтобы ни один волосок не упал на пол. Натянул купальную шапочку под капюшоном. Нельзя оставить никаких следов своей ДНК. Уве спросил как-то, почему бы и мне тоже не обриться наголо. Я даже не пытался объяснить ему, что, кроме Дианы, мои волосы – это последнее, с чем я могу расстаться.

Хоть времени у меня имелось достаточно, я не стал задерживаться в коридоре. На стене над лестницей, ведущей в гостиную, висели портреты,

предположительно детей Ландера. Я не понимаю, что заставляет взрослых людей тратить деньги на то, чтобы продажные живописцы изображали их любимых в жалостном виде плачущих младенцев. Нравится им, что ли, когда гости краснеют? Гостиная была обставлена дорого, но скучно. Не считая ядовито-красного кресла от Пеше, похожего на роженицу, раскоряченную и с набухшей грудью, и того же цвета большого мяча, на который удобно класть ноги. Вряд ли выбор Иеремиаса Ландера.

Картина висела над креслом. «Ева Мудоччи», британская скрипачка, с которой Мунк познакомился в самом начале прошлого столетия и которую нарисовал сразу на литографском камне. Я видел оттиски и раньше, но только теперь, при этом освещении, понял, кого напоминает Ева Мудоччи. Лотте. Лотте Мадсен. У лица на картине та же бледность и та же печаль во взгляде, как у женщины, которую я решительно вычеркнул из своей памяти.

Я снял картину и положил на стол задней стороной кверху. Я использовал нож «Стенли» с выдвижным лезвием. Литография напечатана на бежевой бумаге, а рамка современная, то есть без штифтов и гвоздиков, которые пришлось бы вынимать. Короче, работа – делать нечего. И вдруг ни с того ни с сего тишина взорвалась. Сирена. Настырный пульсирующий звук в диапазоне от тысячи до восьми тысяч герц, прорезающий воздух и фоновые шумы, так что его слышно за многие сотни метров. Я замер. Прошли какие-то секунды, и автомобильная сигнализация на улице умолкла. Видимо, просто неосторожность владельца машины.

Я продолжил работу. Открыл папку, убрал в нее литографию и достал листок А-2 с фрекен Мудоччи, распечатанный мной на домашнем принтере. За четыре минуты он был вставлен в рамку и повешен на стену. Склонив голову набок, я взглянул на него. Иной раз недели проходят, пока жертва обнаружит самую незатейливую подделку. Весной я подменил полотно Кнута Русе «Лошадь и маленькая всадница» картинкой, которую отсканировал из альбома по истории искусства и увеличил. Прошло четыре недели, прежде чем поступило заявление о краже. Фрекен Мудоччи тоже, надо думать, разоблачат по причине белизны странички А-2, но не сразу. А тогда уже будет невозможно определить время кражи, а в доме успеют несколько раз прибраться, так что никакой ДНК не останется и в помине. Уж я-то знаю, как они ищут эту ДНК. В прошлом году, когда мы с Хикерюдом провели четыре взлома меньше чем за четыре месяца, этот СМИ-озабоченный жираф со светлым чубчиком, этот пижон – старший инспектор полиции Бреде Сперре – появился в редакции газеты «Афтенпостен»

и заявил, что в Осло орудует банда профессиональных похитителей предметов искусства. И так как речь идет об объектах столь высокой ценности, Отдел ограблений намерен – дабы задушить это дело в зародыше – использовать методы, применявшиеся до сих пор лишь в расследовании убийств и серьезных преступлений, связанных с наркотиками. Жители Осло могут не сомневаться, сказал Сперре и, тряхнув пацанским чубчиком, уставил в объектив твердый взгляд серо-стальных глаз, пока фотограф щелкал аппаратом. Он, естественно, не сказал главного – что на них поднажали как следует обитатели вилл, зажиточные, политически влиятельные люди, желающие защитить себя и свое имущество. И я, надо признаться, вздрогнул, когда Диана еще раньше, прошлой осенью, рассказала, что тот отважный полицейский из газеты приходил к ней в галерею, он хотел знать, не расспрашивал ли ее кто-нибудь о покупателях, о том, у кого какие произведения хранятся дома. Потому что похитители, похоже, прекрасно знают, где какая картина висит. Когда Диана спросила, что значит эта морщинка у меня на лбу, я криво ухмыльнулся и ответил, что мне совсем не по душе, что у меня под боком объявился соперник. К моему изумлению, Диана покраснела, прежде чем улыбнуться.

Я вернулся к входным дверям, аккуратно снял купальную шапочку и перчатки и аккуратно протер дверную ручку с обеих сторон, прежде чем закрыть за собой дверь. Улица лежала такая же по-утреннему тихая и по-осеннему сухая до хруста в невозмутимом солнечном свете.

По пути к машине я взглянул на часы. Двенадцать четырнадцать. Это рекорд. Пульс был частый, но он повиновался мне. Через сорок шесть минут Уве снова активирует систему наблюдения у себя на пульте. И примерно в то же время, по моим расчетам, Иеремиас Ландер поднимется с кресла в одной из наших комнат для собеседований, пожмет руку председателю правления и еще раз выразит свои сожаления, а затем покинет наш офис и таким образом выйдет из зоны моего контроля. Но не из моего стойла. Фердинанд – в соответствии с моей инструкцией – должен будет объяснить заказчику: он очень сожалеет, что вышел облом, но если они в дальнейшем не хотят, чтобы такая рыба, как Ландер, сорвалась с крючка, то пусть будут готовы поднять предложение по зарплате процентов на двадцать. А лучше на треть.

И это только начало. Через два часа и сорок шесть минут я выйду на крупную дичь. На графскую охоту. Мне недоплачивают – ну так что же? В гробу я видал и Стокгольм, и старшего инспектора Бреде Сперре: я – царь горы.

Я шел и насвистывал. И листья шуршали у меня под ногами.

5. Признание

Как уже говорилось, американские следователи Инбау, Рейд и Бакли, издав в 1962 году книжку «Criminal Interrogation and Confessions»[7 - «Допрос по уголовному преступлению и признательные показания» (англ.).], заложили основы того, что затем стало господствующей техникой ведения допросов в западном мире. Разумеется, на самом деле эта техника стала господствующей гораздо раньше, Инбау, Рейд и Бакли в своей методике девяти шагов только обобщили столетний опыт получения признаний от подозреваемых, накопленный в ФБР. Метод показал свою неслыханную эффективность как на виновных, так и на невиновных. После того как анализы ДНК сделали возможным дополнительную проверку, обнаружились сотни невинно осужденных только в США. Примерно четверть этих несправедливых приговоров основывалась на признаниях, полученных девятишаговым методом. Что само по себе кое-что говорит об этом потрясающем инструменте.

Моя цель – заставить кандидата признаться, что его равнодушие к предложенной работе – это блеф. Если он пройдет все девять шагов и так и не признается, то будут основания считать, что кандидат в самом деле считает себя весьма квалифицированным. А я собираю именно таких. Я по-прежнему говорю «он», поскольку методика девяти шагов ориентирована в первую очередь на мужчин. Мой немалый опыт свидетельствует, что женщины редко ищут работу, для которой они не имели бы достаточной – или даже избыточной – квалификации. Ложные признания чаще случаются тоже, естественно, у мужчин, но тут ничего страшного. Они все-таки не в кутузку попадают, а просто теряют шанс занять руководящую должность, для которой способность выдержать стресс – это именно то качество, которое мы ищем.

Я использую Инбау, Рейда и Баклера без особых угрызений совести. Это как скальпель рядом с хилерами, траволечением и пустопорожним трепом психоаналитиков.

Шаг первый – прямая конфронтация, и многие колются уже на этом этапе. Ты ясно даешь понять кандидату, что знаешь все, что ты сидишь на кипе

доказательств его недостаточной квалификации.

– Возможно, я слишком погорячился, выказав интерес к вашей кандидатуре, Греве, – сказал я и откинулся на спинку кресла. – Я кое-что проверил, и оказалось, что акционеры «ХОТЕ» считают, что вы как директор не оправдали их ожиданий. Вы проявили слабость, отсутствие киллерского инстинкта, и то, что компанию поглотили, – ваша вина. «Патфайндер» как раз и боится такого же поглощения, поэтому, сами видите, вас трудно рассматривать в качестве серьезного кандидата. Но… – я, улыбаясь, поднял чашечку с кофе, – давайте лучше попьем хорошего кофе и потолкуем о других вещах. Как там ремонт?

Клас Греве сидел по другую сторону от кофейного столика, фальшивого Ногучи, выпрямившись и глядя мне в глаза. Он улыбался.

– Три с половиной миллиона, – сказал он. – Плюс, естественно, опцион на акции.

– Чего-чего?

– Если правление «Патфайндера» боится, что опцион способен мотивировать меня заниматься предприятием в интересах возможного перекупщика, то можешь успокоить их: мы внесем в договор условие, по которому право опциона утрачивает силу в случае поглощения компании. И чтоб никакого «парашюта». К тому же у меня и правления общий стимул. Построить мощное предприятие, которое нельзя поглотить, которое поглощает само. Цена опциона рассчитывается по Блэку-Шоулзу и добавляется к зарплате после того, как ты получишь от нее свою третью часть.

Я улыбнулся дружески, как только мог.

– Боюсь, все не так просто, как вам теперь кажется, Греве. Тут много всяких моментов. Вспомните: вы иностранец, а норвежские предприятия предпочитают соотечественников, которые…

– А вчера ты прямо слюнями исходил у своей жены в галерее. И правильно делал. После твоего предложения я поставил себя на ваше с «Патфайндером» место. И скоро понял, что, хоть я и гражданин Нидерландов, им будет непросто подобрать более подходящего кандидата, чем я. Но за двенадцать часов многое передумаешь. Например, что заниматься ремонтом в длительной перспективе

может оказаться не очень интересно. – Клас Греве сложил коричневые дубленые ладони. – Я просто очень вовремя вошел в зал. «Патфайндер», наверное, не самая классная фирма, я мог бы найти и покруче, но у них есть потенциал, и человек, способный предвидеть будущее и располагающий доверием правления, сумел бы выстроить на ее основе что-то и правда интересное. В то же время не факт, что я и правление видим будущее одинаково, так что твое дело – свести нас вместе как можно скорее, чтобы выяснить, есть ли смысл продолжить знакомство.

– Слушайте, Греве…

– Не сомневаюсь, что твои методы на многих действуют, Роджер, но передо мной разыгрывать спектакль не имеет смысла. И давай снова на «ты». Мы же собирались просто приятно поболтать, правда?

И он поднял кофейную чашку, словно для тоста. Я ухватился за возможность тайм-аута и поднял свою чашку в ответ.

– Ты, похоже, нервничаешь, Роджер. У вас, видимо, есть конкуренты на этот заказ?

У моей гортани есть свойство – рефлекторно реагировать кашлем на изумление. Пришлось заставить себя сглотнуть, чтобы не выкашлять кофе на «раздевающуюся Сару».

– Вижу, Роджер, туго тебе придется, – улыбнулся Греве и наклонился ближе ко мне.

Я чувствовал тепло его тела и слабый запах, ассоциирующийся с кедром, юфтью и цитрусом. «Декларасьон» от Картье? Или что-то этого же ценового диапазона.

– Я ничуть не обижен, Роджер. Ты профи, я тоже. Ты просто хочешь сделать для заказчика хорошую работу, как-никак это же они тебе платят. И чем привлекательней кандидат, тем важнее прощупать его как следует. Предположение, что акционеры «ХОТЕ» были мной недовольны, само по себе неглупое, но на твоем месте я привел бы какие-нибудь доказательства.

Я не верил собственным ушам. Мой шаг номер один он просто швырнул мне в морду, заявив, что я разоблачен и что не нужно спектаклей. А теперь перешел к шагу номер два, который у Инбау, Рейда и Бакли называется «выказать симпатию к подозреваемому, чтобы ввести беседу в нормальное русло». А самое невероятное, что внутри у меня – притом что я ведь в точности знал, что делает Греве, – нарастало то самое чувство, о котором я столько читал: потребность подозреваемого раскрыть свои карты. Я едва не рассмеялся.

– Не понимаю, Клас, о чем ты.

Как бы я ни хотел казаться непринужденным, я слышал в своем голосе металлические нотки и чувствовал, как мои мысли вязнут в сиропе. Я не успел мобилизоваться и перейти в контрнаступление, как услышал следующий вопрос:

– Деньги для меня – это не мотивация, Роджер. Но если хочешь, давай попробуем поднять мне оклад. Треть от большего…

…тоже больше. Теперь это он вел допрос и перешел от шага номер два сразу к номеру седьмому: предложить альтернативу. В данном случае – предложить подозреваемому альтернативную мотивацию для признания. Превосходно сработано. Он мог бы, конечно, затронуть еще и мою семью, сказав что-нибудь насчет того, как гордились бы мои покойные родители или моя жена, узнав, как я продавил повышение оклада и соответственно собственные комиссионные. Но Клас Греве понимал, что это будет чересчур, он, разумеется, знал все. Поэтому я просто признал его победителем.

– О’кей, Клас, – услышал я собственный голос. – Сдаюсь. Все именно так, как ты говоришь.

Греве снова откинулся на спинку кресла. Он выиграл и теперь облегченно выдохнул и улыбнулся. Не торжествующей, а просто довольной улыбкой – оттого, что все позади. «Привык побеждать», – черкнул я на листке, понимая, что тут же все равно его выброшу.

Примечательно, однако, что это не воспринималось как поражение, скорее как облегчение. Да, настроение у меня было превосходное.

– Заказчик требует, однако, определенности, – сказал я. – Не возражаешь, если мы продолжим разговор?

Клас Греве закрыл глаза, соединил кончики пальцев и кивнул.

– Отлично, – сказал я. – Тогда я хотел бы, чтобы ты рассказал мне о своей жизни.

По мере того как Клас Греве рассказывал, я делал записи. Он был младшим из троих детей в семье. Родился и вырос в Роттердаме. Это портовый город с жесткими нравами, но семья принадлежала к привилегированному сословию, отец занимал высокий пост в «Филипсе». Норвежский язык Клас и обе его сестры освоили, потому что каждое лето проводили на даче у дедушки и бабушки в Суне. Отношения с отцом были напряженные – тот считал, что младшего слишком балуют и ему недостает дисциплины.

– Он был прав, – улыбнулся Греве. – Я привык добиваться результатов и в школе, и в спорте без всяких усилий. Но лет в шестнадцать все это мне наскучило, и я завел знакомство с разными сомнительными компаниями, найти их в Роттердаме труда не составляет. Старых друзей у меня тогда не было, новых тоже не появилось. Но у меня были деньги. И я начал систематически пробовать все, что было запрещено. Алкоголь, марихуану, проституток, мелкие кражи и кое-что похуже. Дома отец считал, что я занимаюсь боксом и поэтому прихожу домой с распухшим лицом, расквашенным носом или подбитым глазом. А я проводил все больше времени в таких местах, куда меня пускали, но главное – где не лезли в душу. Я не знаю, нравилась ли мне моя новая жизнь, окружающие видели во мне эдакого чудика, одинокого подростка, который непонятно откуда взялся. И именно это меня привлекало. Спустя какое-то время мой образ жизни начал сказываться на отметках; впрочем, я не особенно переживал. Но отец вдруг спохватился. И я словно добился наконец того, чего так хотел все время: внимания отца. Он говорил со мной спокойно и серьезно, я в ответ огрызался. Несколько раз казалось, что он вот-вот сорвется. Я был в восторге. Он отправил меня к дедушке с бабушкой в Осло, где я доучивался три года в школе. А как у тебя складывалось с твоим отцом, Роджер?

Я записал три слова, начинающиеся на «Сам»: «Самоуверенность. Самостоятельность. Самоанализ».

– Мы с ним болтали иногда, – сказал я. – Мы были довольно разные.

– Как? То есть он умер?

– Он и мама погибли в автомобильной аварии.

– Чем он занимался?

– Дипломатической работой. В британском посольстве. Мать встретил в Осло.

Греве разглядывал меня, склонив голову набок.

– Тоскуешь по нему?

– Нет. А твой отец жив?

– Вряд ли.

– Вряд ли?

Клас Греве, подавив вздох, прижал одну ладонь к другой:

– Он исчез, когда мне было восемнадцать. Не пришел домой к ужину. На работе сказали, что он ушел, как обычно, в шесть часов. Всего через несколько часов мать позвонила в полицию. Они сразу подключились – как раз в то время в Европе левацкие террористические группировки похищали богатых бизнесменов. Но не случалось никаких аварий на шоссе, никого не доставляли по неотложке. Его не оказалось ни в одном из списков авиапассажиров, и его машина тоже нигде не была зарегистрирована. Отца так и не нашли.

– Что произошло, как ты полагаешь?

– Я ничего не полагаю. Может, уехал в Германию, поселился в мотеле под чужим именем, не сумел застрелиться, отправился дальше глухой ночью, нашел глубокое лесное озеро и въехал в него на полной скорости. Или был похищен на автостоянке напротив офиса «Филипса» двумя вооруженными мужчинами,

усевшимися на заднем сиденье. Машина вместе с отцом могла столкнуться с другой в ту же ночь, могла быть расплющена в железную лепешку, а потом порезана на куски автогеном. А может, он где-то сидит, в одной руке бокал коктейля с зонтиком, в другой – продажная девица.

Я пытался хоть что-то прочесть в лице Греве или услышать в его голосе. Ничего. Либо он слишком часто об этом думал, либо этот черт совершенно бессердечный. Я не знал, что предпочтительнее.

– Итак, тебе восемнадцать лет, ты живешь в Осло, – сказал я. – Твой отец пропал. Ты – трудный подросток. Что дальше?

– Я закончил с отличием среднюю школу и подал заявление в Нидерландский королевский корпус морских пехотинцев.

– Морпехи – это звучит. Элитные такие мачо?

– Точно.

– Туда вроде берут одного из сотни.

– Примерно. Меня пригласили на приемный экзамен – там тебя месяц систематически ломают. А потом – если выживешь – четыре года восстанавливают.

– Видел что-то подобное в фильмах.

– Поверь мне, Роджер, в фильмах ты такого не видел.

Я посмотрел на него. Я ему верил.

– Потом я служил в антитеррористической группе ББЕ в Дорне. Восемь лет. Повидал весь мир. Суринам, Нидерландские Антильские острова, Афганистан, Индонезия, зимние учения в Харстаде и Воссе. Меня захватывали в плен и пытали во время антинаркотической кампании в Суринаме.

– Какая экзотика! Но ты не проронил ни слова?

Клас Греве улыбнулся:

– Ни слова? Да я рта не закрывал, как баба на базаре. Допрос у кокаиновых баронов – это не игрушки.

Я подался вперед:

– Да? А что это?

Греве долго и задумчиво смотрел на меня, приподняв бровь, прежде чем ответить:

– На самом деле я не думаю, что тебе стоит это знать, Роджер.

Я чуть смутился, но кивнул и снова выпрямился:

– А твоих товарищей всех перебили, что ли?

– Нет. И когда они ударили по обнаруженным мной позициям, эти, естественно, разбежались. Я провел два месяца в подвале, где питался гнилыми фруктами и пил воду, полную комариных личинок. Когда ББЕ меня освободили, я весил сорок пять кило.

Я смотрел на него. Пробовал представить себе, как именно они его пытали. Как он это переносил. И как выглядел Клас Греве весом сорок пять килограммов. Иначе, разумеется. Но не то чтобы сильно по-другому.

– Неудивительно, что ты оставил это дело, – сказал я.

– Не поэтому. Те восемь лет в ББЕ были лучшими в моей жизни, Роджер. Прежде всего, все эти штуки, которые ты видел только в кино. Товарищество и чувство локтя. Но вдобавок там я выучился тому, что станет потом моим ремеслом.

– А именно?

– Находить людей. В ББЕ было такое подразделение под названием «Трек». Группа, занимавшаяся отслеживанием людей во всех возможных ситуациях и точках земного шара. Это они нашли меня в том подвале. Я попросился к ним, был принят, и там я научился всему. От доисторического индейского искусства читать следы до методов ведения допроса свидетелей и самых современных электронных способов слежения, какие только есть. Там я и встретился с «ХОТЕ». Они сделали передатчик размером с пуговицу от рубашки. Идея состояла в том, чтобы прицепить ее на человека и потом отслеживать все его передвижения, примерно как в шпионских фильмах шестидесятых годов, только ее никак не могли отладить, чтобы прилично работала. К тому же их пуговица оказалась непрактичной: не выдерживала пота, температуры ниже минус десяти, а сигнал проходил только через самые тонкие стены. Но руководителю «ХОТЕ» я понравился. У него не было сыновей…

– А у тебя отца.

Греве ответил надменной улыбкой.

– Понял, – отозвался я.

– После восьми лет военной службы я пошел учиться на инженера в Гааге, учебу оплачивала «ХОТЕ». За первый год моей работы в «ХОТЕ» мы сделали устройство слежения, работавшее в экстремальных условиях. Через пять лет я был номером вторым в командном звене. Через восемь стал руководителем, а все остальное ты сам знаешь.

Я откинулся на спинку кресла и отпил кофе. Мы были у цели. У нас был победитель. Я даже записал это: «Принят». Наверное, поэтому я медлил; видимо, что-то внутри меня говорило: надо вовремя остановиться. А может, тут было и что-то иное.

– У тебя такой вид, словно ты хочешь еще о чем-то спросить, – сказал Греве.

Я зашел с фланга:

– Ты ничего не говорил о своем браке.

– Я говорил о важных вещах, – сказал Греве. – Ты хочешь услышать о моем браке?

Я покачал головой. И решил закругляться. Но тут вмешалась судьба. Устами самого Класа Греве.

– Тут у тебя хорошая картина, – сказал он и глянул на стенку. – Опай?

– «Сара раздевается», – ответил я. – Диана подарила. Ты собираешь предметы искусства?

– Да вот начал потихоньку.

Нечто внутри меня сказало «нет», но было поздно – я уже спросил:

– Чем можешь похвастаться?

– Есть одно полотно – масло, холст. Нашел его как раз в той тайной комнате позади кухни. Никто в нашем роду не знал, что моя бабушка владела этой картиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Здесь: маскировочная вода (фр.).

2

Крупнейшая в Норвегии экономическая газета.

3

Одна из самых богатых и успешных предпринимательниц Норвегии и одновременно гламурная львица, Селина Мидельфарт в 2000 г. приобрела в собственность здание посольства ГДР в Осло.

4

Норвежский писатель, муж норвежской принцессы Мэрты Луисы, дочери правящего короля Харальда V.

5

Вокалист норвежской хард-рок-группы «Турбонегро», настоящее имя – Ханс Эрик Дювик Хусбю.

6

Актриса и одна из самых успешных моделей в Швеции 1990-х.

7

«Допрос по уголовному преступлению и признательные показания» (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/yu-nesbyo/ohotniki-za-golovami-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити